ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

УДК 34(477):340.132:811.512.145

DOI: 10.18522/2313-6138-2021-8-1-1

Ваниев Эльдар Серверович,
кандидат юридических наук,
г. Симферополь, Республика Крым,
e-mail: poyas-orion@mail.ru

Vaniev, Eldar S.,
PhD in Law,
Simferopol, Republic of Crimea,
e-mail: poyas-orion@mail.ru

ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРЫМСКИХ СИДЖИЛЕЙ

THE HISTORICAL-LAW CHARACTERISTIC OF CRIMEAN SIJILES

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается правовая природа крымских сиджильей и их место в судебной системе Крымского ханства. Автором проводится лингвистический анализ характерных особенностей правовых конструкций данных документов. Делается вывод о том, что крымские сиджили являлись письменными единоличными правоохранительными актами судебного органа (суда кади) длящегося действия. Им были присущи собственные реквизиты, форма и язык составления. Язык, который характеризовался наличием многочисленных архаизмов, тюркизмов, фарсизмов и арабизмов, отличался юридическим стилем изложения, что выражалось в употреблении в сиджилях специальных юридических терминов и формул.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: суд; кади; правовой акт; правоприменение; юридическая техника.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Ваниев Э.С. Историко-правовая характеристика крымских сиджильей // *Вестник Юридического факультета Южного федерального университета.* 2021. Т. 8, № 1. С. 9–15. DOI: 10.18522/2313-6138-2021-8-1-1.

ABSTRACT. In the article are viewed the legal nature of Crimean sijiles and their place in the court system of Crimean Khanate. Author was make the linguistic analysis of characteristics of the law constructions in this documents. Based on the results of investigation author concluded that the Crimean sijiles was the writing individual law-enforcement acts of the cadi court of permanent action. They was had their own requisites, form and law constructions. The law constructions was characterized of numerous archaisms, turkisms, farcisms and arabisms, was differed of law style of writing, what expressed in the using in sijiles of special law terms and formulas.

KEYWORDS: the court; cadi; legal act; enforcement; law technic.

FOR CITATION:

Vaniev, E.S. The historical-law characteristic of Crimean sijiles. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU.* 2021. Vol. 8, No. 1. P. 9–15 (in Russian). DOI: 10.18522/2313-6138-2021-8-1-1.

Актуальность темы исследования. Изучение механизмов действия системы права государства позволяет получить представление о состоянии его социальной, экономической, духовной жизни. Система права отражает в себе общий уровень развития общества, взаимоотношения в котором она создана регулировать.

Данная информация имеет тем большую научную ценность, чем более древняя система права изучается. Крымское ханство являлось одним из немногих европейских государств, на территории которого действовала исламская правовая система. Следовательно, его система права функционировала на принципиально иных началах, чем системы права других европейских стран.

Ханские сиджили являлись структурным элементом системы права Крымского ханства. Кади в своей правоприменительной практике широко использовали их выдачу тяжущимся сторонам. Изучение правовой природы ханских сиджилий имеет большое практическое значение для изучения развития истории права в Крыму.

Состояние научной разработки темы исследования. Первым российским исследователем, который обратился к изучению сиджилий, был выдающийся крымовец Ф. Лашков. В XIX в. он перевел большинство доступных ему сиджилий на русский язык. Ученый пользовался сиджилиями в качестве первоисточников при разработке проблематики земельного вопроса в Крыму. Первым из крымских ученых, кто обратил внимание на неоспоримую историческую и филологическую ценность сиджилий, был профессор Б. Чобан-заде в 1925 г. Кроме того, он исправил ошибку предыдущих исследователей, указав, что «язык памятников не арабский, а османский». Затем, вплоть до 90-х годов XX в., ханские сиджили выпали из поля научного исследования. Интерес к их изучению был возобновлен в 1994 г. профессором Х. Инальджигом. Ученый обозначал их не в качестве кадиаскерских книг, а именно в качестве кадийских сиджилий. Тем самым ученый косвенно (поскольку это не входило в предмет его исследования) указал на их правовую природу в качестве правоприменительных актов. В это же время небольшая заметка, посвященная сиджилиям, была издана О. Васильевой.

К текстам крымских сиджилий в качестве первоисточников обращалось множество турецких ученых: Н. Туран, Н. Кавак, Ф. Йылмаз, А. Джихан, З. Озьдем, О. Быйык.

Наконец, в 2017 г. вышла монография О. Рустемова «Кадиаскерские книги Крымского ханства». В своем труде исследователь обратился к непосредственному первоисточнику — текстам крымских сиджилий. Ученому удалось не только собрать в большом объеме уникальный научный материал, но и представить его на языке оригинала. Это позволяет в дальнейшем использовать его в дальнейшем научном анализе при изучении истории правотворчества в Крыму. При этом автор, являясь носителем языка, смог достоверно, но с филологической точки зрения передать смысл многих выражений и конструкций, которые иной переводчик не смог бы настолько глубоко прочувствовать. Однако большинство ученых мало внимания уделяло историко-правовому анализу крымских сиджилий. Также ими не изучались особенности правовых конструкций текстов сиджилий.

Цель исследования. Проанализировать правовую природу крымских сиджилий и филологические особенности правовых конструкций их текстов.

Сиджили являются уникальными правовыми памятниками Крымского ханства. В них наглядно отображено право в действии — конкретные юридические способы и приемы, какими вершилось правосудие на территории государства. Прежде чем перейти к рассмотрению юридических особенностей крымских сиджилий, необходимо исследовать их правовую природу.

По юридическому характеру действия сиджили следует отнести к правоприменительным актам. С. Алексеев, хотя прямо и не дает определения реализации права, но указывает, что «реализация соответствующих юридических норм... заключается, в сущности, лишь в том, что создаются как бы типовые конструкции, общие и абсолютные правоотношения, в соответствии с которыми субъекты строят свое активное поведение, продиктованное социальными потребностями» [1; с. 252]. Л. Морозова под реализацией права понимает «претворение, воплощение предписаний юридических норм в жизнь путем правомерного

поведения субъектов общественных отношений (государственных органов, должностных лиц, общественных объединений, физических лиц)» [3; с. 249]. Т. Милушева определяет реализацию права как «претворение, воплощение установленных государством правовых норм в правомерной деятельности субъектов права» [4; с. 174]. О. Скакун указывает, что реализация права — «воплощение правовых норм и принципов в правомерном поведении субъектов права, в их практической деятельности» [10; с. 335].

В науке выделяются следующие формы реализации права: использование, соблюдение и исполнение и применение [1; с. 251; 3; с. 250; 4; с. 174]. Использование «выражается в осуществлении возможностей, вытекающих из дозволений»; соблюдение «выражается в том, что субъекты соотносят свое поведение с юридическими запретами»; исполнение «выражается в действиях субъектов по осуществлению обязывающего правового предписания» [1; с. 251]. Применение является публично-властной деятельностью соответствующих компетентных субъектов по реализации правовых норм относительно конкретных жизненных случаев и индивидуально-определенных лиц [4; с. 175]. Т. Милушева относит первые 3 формы к формам непосредственной реализации права, а применение — к форме опосредованной реализации.

Как видно из определений, необходимыми признаками реализации права являются: а) наличие в материальном праве установленных законодателем правовых норм; б) их воплощение в жизни посредством правомерного поведения субъектов права. Таким образом, в общем виде реализация права представляет собой осуществление в жизни (своей практической деятельности) субъектами права в их правомерном поведении предписаний законодателя, обладающих юридической силой. При этом данное понимание следует рассматривать в широком аспекте: включая в него не только материальные нормы (букву закона), но и правовые принципы (дух закона). Также необходимо иметь в виду, что правомерное поведение может быть выражено как в активной форме (действие), так и в пассивной (бездействие). В данном аспекте к субъектам права следует относить не только непосредственных участников данных правоотношений, но и весь круг

лиц, на которых распространяется действие правовых норм и принципов.

Из вышеприведенного следует, что институт правосудия в целом относится к сфере правоприменения, а акты суда, вынесенные им в качестве компетентного государственного органа в связи с рассмотрением конкретного дела, являются актами правоприменения. С. Алексеев указывает, что «применение права — это властная индивидуально-правовая деятельность, которая направлена на решение юридических дел и в результате которой в ткань правовой системы включаются новые элементы — индивидуальные предписания» [1; с. 254]. О. Скакун отмечает, что «с точки зрения формальной логики, это подведение конкретного жизненного случая под общую правовую норму и вынесение на этой основе акта применения норм права» [10; с. 311].

К отличительным признакам правоприменения следует отнести: 1) официально-властный характер; 2) индивидуально-определенный характер; 3) формально-процессуальный характер; 4) действие на основе и во исполнение норм материального права; 5) конечное оформление вынесением акта правоприменения. Официально-властный характер правоприменительной деятельности означает, что она совершается от имени государства компетентными уполномоченными органами. Индивидуально-определенный характер правоприменительной деятельности указывает, что она совершается в отношении конкретного указанного в акте правоприменения субъекта или группы субъектов, при конкретных обстоятельствах. Формально-процессуальный характер правоприменительной деятельности подчеркивает внутреннюю структуру ее совершения, основанную на четко определенном порядке осуществления каждого действия, вместе составляющих механизм правоприменения.

Действие на основе и во исполнение норм материального права указывает на внешний аспект правоприменения — оно совершается во исполнение воли законодателя, выраженной в форме закона, имеющего юридическую силу. Данный закон очерчивает допустимые границы осуществления правоприменения, уравнивает условия сторон в отношении друг друга правовыми границами. Оформление правоприменения вынесением правопримени-

тельного акта демонстрирует конечную стадию данного процесса, выраженную в фиксации решения государства в лице компетентных уполномоченных органов по конкретному делу в виде формально установленного индивидуально определенного акта.

По мнению С. Алексеева, органы применения права «призваны обеспечить проведение в жизнь юридических норм, выраженных в них общих программ поведения, конкретизированное их воплощение в реальных жизненных процессах с учетом особенностей той или иной конкретной ситуации» [1; с. 254–255]. При этом он специально подчеркивает, что «правосудие — это не механическое претворение в жизнь писаных юридических предписаний, а само живое право, право в жизни» [1; с. 256].

В Крымском ханстве суды кади на местах фактически являлись судами первой инстанции. К компетенции кади относилось рассмотрение всех дел гражданско-правового и уголовно-правового характера между субъектами права в государстве. В своей деятельности они руководствовались нормами фикха и выносили решение от имени хана. После рассмотрения дела по существу и соблюдения всех процессуальных форм (к которым можно отнести удостоверение личности истца и ответчика, заслушивание их показаний, вызов свидетелей и заслушивание их показаний, проведение в случае надобности очной ставки, перекрестного допроса, приведения к клятве), кади выносили решение в форме сиджиля, экземпляры которого выдавались на руки истцу и ответчику, а само дело с решением записывалось в кади-аскерскую книгу. При этом, следует заметить, что они не выносили свое решение именем Аллаха — следовательно, оно выносилось от имени светской власти, представителем которой был хан, хотя формально оно не выносилось и от его имени.

Кроме того, необходимо указать и на такую существенную особенность крымского правосудия, как его тесная связь с жизнью. Кади применяли положения фикха к конкретным жизненным обстоятельствам тяжущихся сторон, руководствуясь принципами справедливости и разумности, которые являлись воплощением духа права. При том, что оно имело официально-властный (суд кади был представителем светской власти), индивидуально-определен-

ный (совершалось в отношении конкретных субъектов права), формально-процессуальный (совершалось с четким соблюдением определенной последовательности судебных действий) характер на основе и во исполнение норм фикха и оформлялось сиджилом, правосудие кади учитывало жизненную ситуацию тяжущихся сторон, уровень сложности дела и заявленных исковых претензий, стараясь разрешить его с соблюдением интересов всех лиц. В данном случае не жизнь подводилась под закон, а закон — под жизнь (разумеется, с соблюдением принципа всеобщего равенства перед законом, поскольку он был равнозначен другому принципу — всеобщего равенства перед Аллахом).

Из вышерассмотренного также следует, что сиджили, которые выдавали кади на основании рассмотрения судебного дела, являлись правоприменительными актами. Т. Милушева указывает, что «акт применения права – официальный акт, содержащий властное, персонифицированное правовое решение компетентного органа по конкретному юридическому делу» [4; с. 178]. По мнению О. Скакун, «акт применения права — индивидуальный акт-волеизъявление (решение) уполномоченного компетентного государственного органа либо должностного лица, который на основе юридических норм устанавливает, изменяет или прекращает права и обязанности участников конкретных правоотношений либо меру ответственности конкретных лиц за совершенное ими правонарушение» [10; с. 14], а «акты судьи — поднормативные акты-документы, являющиеся формой фиксации принятых судьей решений или осуществляемых им действий в ходе судебного производства, предусмотренной процессуальным законодательством» [10; с. 18]. Л. Рассказов отмечает, что «акт применения права — такой правовой акт (официальный документ), который содержит индивидуальное властное веление (предписание), вынесенное компетентным органом в результате решения конкретного юридического дела» [5; с. 407].

На основании изложенного можно выделить следующие признаки правоприменительных актов: 1) официальный характер; 2) индивидуальная направленность действия; 3) наступление юридических последствий; 4) особая форма принятия, составления и выдачи. Официальный характер акта правоприменения подразу-

мевают, что он принимается и реализуется компетентным уполномоченным государственным органом либо должностным лицом. Индивидуальная направленность действия указывает, что акт правоприменения всегда принимается и применяется в отношении конкретных субъектов права, указанных в нем. Наступление юридических последствий указывает, что принятие акта правоприменения компетентным уполномоченным государственным органом либо должностным лицом всегда создает, изменяет или прекращает правоотношения между субъектами права. Особая форма принятия, составления и выдачи указывает, что акт правоприменения принимается и реализуется на основе материальных и процессуальных правовых норм, ему присущи собственные реквизиты, наделяющие их юридической силой: свое название, имя, должность и подпись уполномоченного компетентного лица, принявшего и составившего данный правоприменительный акт, дата составления.

Анализ текстов ханских сиджилий, относящихся к XVI–XVII вв., показывает, что они также отвечали указанным требованиям. Кади были официально уполномочены на исполнение возложенных на них государством судебных функций; сиджили принимались один раз по одному судебному делу в отношении истца и ответчика, обозначенных в нем; юридическими последствиями их принятия было создание, изменение или прекращение правоотношений между истцом и ответчиком; они составлялись в особой форме. Основная масса сиджилий, зафиксированных в кадиаскерских книгах, выдавалась после рассмотрения кади гражданско-правовых, земельно-правовых и семейно-правовых дел. Кади также были уполномочены выдавать сиджилы и после рассмотрения уголовных дел. Каждому сиджилу была присуща жесткая внутренняя структура, от которой не отступали кади. Документ начинался с названия, обозначающего дело, которое разбиралось судьей (кади). Затем в столбик следовала запись существа судебного разбирательства. В тексте сиджиля обязательно указывались: 1) имя истца и ответчика; 2) существо судебного дела; 3) приводимые сторонами доказательства; 4) имена свидетелей; 5) дата составления; 6) хотя переводчиком не указывается, но возможно допустить, что в конце каждого дела

ставилась тамга хана, либо суды располагали собственной тамгой (как делалось в Крымском ханстве на всех ханских ярлыках и фирманах) для официального удостоверения решения судьи и придания ему юридической силы.

Имя судьи, вероятно, должно было указываться в самом названии, либо в начале и конце кадиаскерской книги. Если имя судьи в качестве реквизита вовсе отсутствовало, то это также доказывает, что кади рассматривался государством в качестве обычного исполнителя главного носителя власти — хана.

Необходимо отметить и особый язык составления сиджилий. Замечание Е. Шматовой «права без языка нет и быть не может» [8; с. 251] позволяет согласиться с мнением Н. Белоконов, что «поскольку язык оправданно считается транслятором культуры (как общества, так и личности)», то «язык права — это транслятор правовой культуры, а также показатель уровня ее развития» [2; с. 578]. При этом И. Шутак справедливо заметил, что «уровень развития терминологической системы права зависит от накопленного государством и нацией опыта правового регулирования общественных отношений, законотворчества и правоприменения, глубины научного изучения правовых явлений и категорий, мер по упорядочению, систематизации и описания терминологической системы права», где «терминологическая система права выступает своеобразным центром, объединяющим все структурные элементы и стилистические срезы юридического языка» [9; с. 13]. С. Стефанова отметила, что «так как язык права является не только семиотической системой, но и неотделимой частью правовой системы с ее традициями, особенностями логики и функциями, то особенности этого языка естественным образом вытекают из особенностей самого права» [7].

Поскольку сиджили составлялись кади при исполнении ими своих судебных функций в качестве официально уполномоченных лиц, то они также являлись официальными документами — правоприменительными актами, которые составлялись с соблюдением правил составления нормативных документов и употреблением правил юридической техники.

В отношении стиля составления сиджилий необходимо отметить, что определенную трудность при работе с текстами составляло на-

личие в нем многочисленных архаизмов, тюркизмов, фарсизмов и арабизмов. Данный стиль характеризуется употреблением судьями определенных юридических формул и терминологии, которых жестко придерживались кади практически при каждом рассмотрении судебных дел. К таким формулам мы можем отнести:

1. «Oldur ki». Данная формула предвляла имена истца и ответчика почти во всех судебных делах. В буквальном смысле означала привлечение истцом ответчика к суду. Причем, вероятно, такое привлечение носило принудительный характер и подразумевало невозможность урегулирования возникшего конфликта между сторонами мирным путем.

2. В сиджилах, относящихся к рассмотрению экономических дел, глагол «oldugi» указывал на полную уплату ответчиком указанной в деле денежной суммы [6; с. 23].

3. Термины «iqale» и «fesh» переводятся О. Рустемовым как «разрывание» и «отмена» договора купли-продажи, однако корректнее их перевести как «аннулирование договора купли-продажи» [6; с. 23].

4. Выражение «müşteri el-mezbur semen-i ... bayı'ye el mezbur itdügi darin aldugı» указывает на полное установление реституции в гражданско-правовом споре [6; с. 23].

5. Термин «şehadet» употреблялся для подкрепления заключенной сделки или изложенных в деле юридических фактов свидетельством физического лица, которое, вероятно, пользовалось доверием у сторон, либо выступало в качестве свидетеля по данному делу. Также он специально употреблялся и для фиксации процессуального действия — дачи свидетельских показаний по данному судебному разбирательству. Примечательно, что перечень свидетелей суда, присутствовавших при рассмотрении дел, изложенных в сиджилах, употреблялся при помощи термина «şuhudu'l-hal».

6. Словосочетание «ihzar idub», вероятно, означало юридическую необходимость и обязанность доставки в суд ответчика по делу лично истцом. Таким образом, принудительная доставка в качестве процессуального действия не возлагалась на суд ни в гражданских, ни в уголовных делах, а всегда полностью возлагалась на истца, что специально отмечалось в текстах сиджилей рассматриваемым словосочетанием [6; с. 27].

7. Словосочетание «müşarün ilyeh ... didikte» означало заявление суду истцом сути своей претензии к ответчику [6; с. 27].

8. Употребление глагола «sual» означало не только задавание судом в лице кади вопросов к сторонам по делу и свидетелям, но и фактическое проведение допроса (в том числе перекрестного допроса) прямо в ходе судебного разбирательства. При этом фиксировались как ответы сторон и свидетелей, так и их отказы отвечать на поставленные судом вопросы [6; с. 27].

9. Словосочетания «qabul deguldir» и «qabul itdügi» означали выражение стороной соответственно согласия на принятие либо отказа от принятия определенного юридического состояния (в частности, их употреблением в сиджиле характеризовалось выражение стороной согласия на вступление в брак и последующего отказа от вступления в брак с указанным в сиджиле лицом) [6; с. 28].

10. Словосочетание «qayd olundı» характеризовало вынесение судом в лице кади решения по рассматриваемому делу: установление реституции, нового гражданско-правового состояния сторон, факта, имеющего юридическое значение, признание вины либо оправдание подозреваемого и т. д.

Заключение. На основе проведенного теоретико-правового, историко-правового и лингвистического анализа памятников права Крымского ханства — кадиаскерских сиджилей, можно сделать следующие выводы: сиджили относились к правоприменительным актам. Они являлись письменными единоличными правоохранительными актами судебного органа (суда кади) длящегося действия. Сиджилъ записывался в специальной кадиаскерской книге и выдавался каждой из тяжущихся сторон (истцу и ответчику) в одном экземпляре. Принятием сиджиля в ходе судебного разбирательства кади не только охраняли законные права и интересы каждой из сторон судебного процесса, но и общества, государства в целом. Они создавали, изменяли и прекращали правоотношения между субъектами права, руководствуясь нормами фикха, а также принципами справедливости, законности и разумности. Им были присущи собственные реквизиты, форма и язык составления. Язык составления характеризовался наличием многочисленных архаизмов, тюркизмов, фарсизмов и арабизмов, от-

личался юридическим стилем изложения, что выражалось в употреблении в сиджилях специальных юридических терминов и формул.

Литература

1. *Алексеев С.С.* Теория права. М.: БЕК, 1995. 320 с.
2. *Белоконь Н.В.* Культура языка и язык права // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 576–578.
3. *Морозова Л.А.* Теория государства и права: учебник, 4-е изд., перераб. и доп. М.: Российское юридическое образование, 2010. 384 с.
4. Общая теория государства и права: учебник / под ред. С.Ю. Наумова, А.С. Мордовца, Т.В. Касаевой. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018. 392 с.
5. *Рассказов Л.П.* Теория государства и права: углубленный курс: учебник. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. 559 с.
6. *Рустемов О.* Кадияскерские книги Крымского ханства: исследования, тексты и переводы. Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017. 280 с.: илл.
7. *Стефанова С.О.* О языке права и юридических текстах [Электронный ресурс] // URL: http://old.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2009/VI/uch_2009_VI_00041.pdf
8. *Шматова Е.С.* Язык права и язык закона в дихотомии лингвистических исследований // Альманах современной науки и образования. 2012. № 2(9). В 3 ч. Ч. III. С. 251–254.
9. *Шутак И.Д.* Понятие, термин, определение: концептуальный подход // Європейські перспективи. 2015. № 7. С. 13–18.
10. Юридический научно-практический словарь-справочник (основные термины и понятия) / Сканун О.Ф., Бондаренко Д.А. / под общ. ред. профессора Сканун О.Ф. Харьков: Эллада, 2007. 488 с.